

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И ТЕОЛОГИИ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК I

**БАРНАУЛ
2007**

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук П.К. Дашковский

Редакционная коллегия
доктор культурологии Л.С. Марсадолов
доктор юридических наук В.В. Невинский
доктор исторических наук А.А. Тишкин
доктор исторических наук А.В. Харинский
доктор исторических наук С.А. Яценко
кандидат исторических наук Р.А. Кушнерик

М **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе:** сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул: Азбука, 2007. – Вып. I. – 258 с.

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности и эпоху средневековья. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

ISBN 978–5–93957–218–7

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования, культуры и науки Монголии (проект №06-01-91809а/G, тема «Алтае-Саянская горная страна как экосистема кочевой цивилизации: история и современность»)

На обложке антропоморфная личина из могильника Чинета-II (раскопки П.К. Дашковского, рисунок А.Л. Кунгурова)

© Оформление Азбука, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
I. Архаичные религиозные верования и обряды народов Евразии	7
<i>Ю.Б. Сериков</i> Становление ритуально-культовой практики у палеолитического населения Урала.....	7
<i>П.К. Дашковский, Д.В. Культякова</i> Влияние иранского религиозного комплекса на мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в скифскую эпоху.....	24
<i>Ю.Б. Полидович</i> Скифский обряд очищения.....	44
<i>С.А. Яценко</i> О женщинах – «жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматов I в. до н.э. – II вв. н. э.).....	58
<i>Э.Б. Вадецкая</i> Имитации мертвых для продления их жизни	66
<i>Г.Г. Король</i> «Хойцегорский портрет» рубежа I–II тыс. н.э. и манихейство в Центральной Азии	81
II. Палеоастрономические аспекты изучения культовых памятников	100
<i>В.Е. Ларичев</i> Космогония и космология жречества эпохи палеометалла юга Западной Сибири (астральная теогония и протонаука в символах и образах протохрама «Сотворение Вселенной» Северной Хакасии).....	100
<i>В.Е. Ларичев, С.А. Паришков, С.А. Прокопьева</i> Астрономические, календарные и религиозно-мифологические принципы размещения в пространстве гробниц раннего железного века Северной Хакасии (на примере могильного поля, опорных плит и визирных лимбов окрестностей святилища Саратовский Сундук)	121
<i>О.О. Полякова</i> Предполагаемая космогоническая концепция мирового порядка в тагарской культуре.....	135

<i>Л.С. Марсадолов, Н.В. Дмитриева, В.А. Иконников</i> Палеоастрономические аспекты новых объектов святилища Ак-Баур.....	148
III. Современные этноконфессиональные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии	161
<i>Е.В. Нам</i> Шаманские атрибуты: символика и ритуальный смысл (сравнительный анализ сибирской и древнегреческой культур)	161
<i>Н.А. Тадина</i> «Живому хорошо гулять, мертвому лежать в камнях» (о дуализме традиционного мировоззрения алтайцев)	174
<i>В.А. Бурнаков</i> Традиционная похоронная обрядность у хакасов.....	183
<i>Ю.И. Ожередов</i> Угли и зола в мифологии и ритуалах сибирских татар	196
<i>М.М. Содномпилова</i> Доминантные символы бурятской традиционной культуры: дерево, лес	207
<i>Р.А. Кушнерик</i> О роли религиозного фактора в приграничных регионах (по материалам полевых исследований на территории Горного Алтая в 2004–2007 гг.).....	221
<i>С.С. Дашидондоков</i> Феномен достопочтенного Хамбо Ламы Этигэлова!	226
<i>Л. А. Бургарт</i> Религиозная жизнь католиков и положение католической церкви в Казахстане в середине 50-х – начале 70-х гг. XX в. по «Воспоминаниям о Казахстане» священника Владислава Буковинского.....	232
Список сокращений	253
Сведения об авторах	254

Мирошина Т.В. Амазонки у сарматов и проблемы матриархата // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.

ОАК за 1903 г. СПб., 1906.

Смирнов К.Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья (автореф. дисс... канд. ст. наук) // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. М, 1947. Вып.5.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

Яценко С.А. Сарматские «жрицы» (I в. до н.э. – III в.н.э.) // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тезисы докладов III конференции молодых ученых Института археологии АН СССР. М., 1986. С. 183–184.

Яценко С.А. Наборы амулетов среди атрибутов одной из групп знатных сармато-аланок европейских степей сер.I – сер.II вв.н.э. // «Вещь в контексте культуры». Материалы научной конференции. СПб., 1994. С. 85–86.

Яценко С.А. К истории формирования одного из ключевых стереотипов сарматологии // Элитные курганы Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 200–204.

Яценко С.А. Статус женщины в сарматском обществе: проблемы интерпретации источников // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. М., 2001. С. 244–252.

Яценко С.А. Особенности общественного развития сармато-аланов и их восприятие в других культурах // Кочевая альтернатива социальной эволюции (Цивилизационное измерение. Т. 5). М., 2002. С. 126–135.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006. 661 с.

Э.Б. Вадецкая

*Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург*

Имитации мертвых для продления их жизни

Введение

Остатки имитации умерших были обнаружены в коллективных могилах Енисея (II в. до н.э – VI в. н.э.) свыше ста лет тому назад. Одни были сделаны по собственному скелету человека, другие в виде травяного чучела. Те и другие были не понятны, поскольку от первых археологи увидели лишь моделированные глиной трепанированные черепа скелетов, иногда облицованные гипсом, а от других преимуще-

ственно одни гипсовые облицовки голов кукол, получивших название “масок”. Последующие находки внутри черепов остатков травы, а на внутренней стороне масок отпечатков кожи животного лишь осложнили понимание тех и других.

В 1969 г. в уникальной по сохранности гробнице в горах Оглахты обнаружены два целых манекена почти в рост человека, сделанных из травы и обшитых кожей. В области груди обоих были мешочки с пеплом человека. Хотя на их лицах не были вылеплены маски, стало очевидным, что они аналогичны тем, кто в масках. Ассоциация скелетов с манекенами произошла значительно позже.

В 1882 г. в одном из позднейших тагарских курганов (тесинского этапа) у д. Береш впервые у 60-ти скелетов сохранились детали конструкции манекена. Скелеты были заполнены и обернуты травой, обшитой кожей. Позвоночники скреплены с черепами прутьями, проложенными с двух сторон позвоночника. Один манекен удалось полностью реконструировать (рис. 1.–1). На лицевой части его черепа вылеплен глиняная скульптура лица, с накладными бровями, выступающими скулами и массивным носом. Рот был чуть приоткрыт и видны зубы. Глиняная голова обшита грубой кожей, к которой пришит кожаный нос и сделаны прорезы на месте глаз (рис. 1.–2-3). Обшивка сшита из мелких кусочков кожи швом через край. Края прорезей глаз загнуты внутрь (Вадецкая Э.Б., 1995, с. 105; 2004б, с. 308). Состояние кожи не позволило определить, была ли небольшая прорезь на месте рта. Поверх кожи нанесена тонкая гипсовая маска со следами росписи. Мумия была в одежде и в глиняном головном уборе с подлинной косичкой (Вадецкая Э.Б., 1995, с. 106–108, рис. 8-10; 1999, с. 146, рис. 74, 81–82). Четкое размещение погребенных в срубе, потолок которого был сплошь заставленный горшками, блюдами и свернутыми шкурами лошадей, не оставляли сомнения в том, что все имитации были погребены одновременно. Это подтверждали остатки драпировок стен и полога над покойниками, густо украшенных прилепленными глиняными орнаментированными бляшками. Камера была сожжена, органика обуглена (Вадецкая Э.Б., 1995, с. 105, рис. 16, с. 113, рис. 19; 1999, с. 144–145, рис. 71–73).

В течение многих лет я разделяла идею А.В.Адрианова о том, что в коллективных могилах захоронены тела людей, консервированные для длительного хранения и совместного погребения. К его доводам в пользу этой версии - о посмертной трепанации черепов для удаления мозга и разной сохранности тел к моменту погребения - я добавила собственные наблюдения. Прежде всего, большое число скелетов лежит в полном анатомическом порядке, включая мелкие кости рук и

стоп. Кроме того, на внутренней поверхности глиняных обмазок черепов иногда имеются отпечатки волос и глаз, а на глине из заполнения рта отпечатки не только зубов, но и десен. Таким образом, я видела в коллективных могилах собрание искусственных мумий, которые накапливали, где-то хранили, совместно захоранивали и вместе со срубом сжигали (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 157). В этом прослеживалось формальное сходство с действиями этнографических народов Сибири, которые те осуществляли с заменителями своих умерших: одевали, почитали, берегли, кормили, а спустя определенный срок уничтожали, бросали в могилы, часто сжигали. О возникновении ритуала изображения умерших имеются различные гипотезы. Под впечатлением первых находок "мумий" в кургане у д. Береш я в статье "Мумии и куклы в погребальной обрядности народов Западной и Южной Сибири" предложила рассмотреть еще одну: их непосредственную связь с древними обычаями. Иными словами, видеть в так называемых "двойниках или куклах мертвого" отражение старой погребальной обрядности, преломленной в дальнейшей эволюции религии" (Вадецкая Э.Б., 1985, с. 38). В настоящее время эта тема заслуживает более пристального внимания.

Новые материалы и их анализ

После раскопок у д. Береш исследованы новые курганы с остатками "мумий". Десятки сохранившихся черепов, моделированных глиной и облицованных гипсом, найдены в 1983г. у скелетов в кургане Новые Мочаги у д. Калы, три в 1984г. в кургане Лисий у д. Сабинки, пять черепов в 2001 г. в кургане на территории г. Черногорска. А в 2004 г. в кургане у с. Белый Яр расчищено свыше двухсот наиболее ранних "мумий". У скелетов сохранились прутики внутри позвоночного столба, смесь разных трав и веточек в черепе, в областях груди и живота. Кости рук, ног, шейные позвонки и ребра обмотаны жгутами травы. В отличие от поздних мумий, типа берешских, манекены обшиты не кожей, а, видимо, берестой. Главное для реконструкции головы по черепу использована не глина, а тоже трава (Вадецкая Э.Б., 2006, с. 344).

При осмотре патологоанатомом 15 черепов из Новых Мочагов и 5-ти из кургана Лисий (целых и фрагментов), а также антропологом 200 скелетов из кургана Белый Яр выяснилось, что во всех случаях были похоронены не мумифицированные тела, а скелетированные трупы, то есть когда ткани разложились, но весь связочный аппарат и сухожилия еще сохранились. (Вадецкая Э.Б., Протасов В.А., 2003, с. 45–46).

На протяжении веков принцип моделирования мумии по скелету мало изменялся. Череп крепился со скелетом тонкими палочками: либо одной палочкой, пропущенной сквозь весь позвоночник, либо двумя (с двух сторон позвоночника) со сквозными отверстиями для скрепления с позвонками. Утраченные ткани заменялись растениями и крепились полосками бересты или ремнями. Всё обшивалось сначала берестой, позже кожей. Пока исключение составляют скелеты только в кургане г. Черногорска. Они обмазаны глиной и обшиты, видимо, войлоком. (Вадецкая Э.Б., 2004б, с. 308).

Череп, как правило, трепанировали после эксгумации. У ранних мумий весь череп заполняли травой, а отверстие закрывали (как пробкой) кусочком бересты или дерева. У поздних мумий травой заполняли лишь свод черепа, а рот и трепанационное отверстие куском глины. Лучше сохранились и соответственно изучены головы мумий, реставрированные по черепу глиной и обшитые кожей, в которой оставлены открытыми глаза и рот. Реальное кожаное лицо сохранилось только на мумии кургана Береш (рис. 1.–2). В других случаях о нем свидетельствуют отпечатки на масках, которые лепили поверх кожаного лица (табл. 1 рис. 4,5,7,8). В частности, отпечатки кожаной обшивки и кусочков ткани поверх глаз и рта имеются на внутренней стороне всех (более 50-ти) гипсовых облицовок-масок кургана Новые Мочаги (Вадецкая Э.Б., Гавриленко Л.С., 2006, с. 61, рис. 8). С большой вероятностью можно предполагать, что в глиняные глазницы этих мумий вставляли зеленовато-голубые бусинки, имитирующие зрачки, а кожаное лицо окрашивалось красной краской (рис. 1.–3).

Замена материала (бересты на кожу применительно к обшивке тела) и моделировки черепа (вместо травы глиной) происходила по мере накопления навыков изготовления мумий - манекенов. Что же касается растительности, то использовалась местная: как степные разные травы, так и растущие в предгорьях Присаянья жимолость и белый мох. И, видимо, в обязательном порядке эфедра (Вадецкая Э.Б., 2006, с. 345).

В целом, изучение всей органики (костей, глины, гипса, растительности) дало представление о том, как местное население (II-I вв. до н.э. – IV вв. н.э.) представляло себе смерть человека и его переход в загробный мир. Мировоззрение озадачивает своей сложностью, поскольку после смерти и её признания и до окончательного захоронения проходил весьма большой срок.

Ритуалы с мумиями

Труп временно и неглубоко хоронили на определенное нам неизвестное время (но не меньше года) (Вадецкая Э.Б., Протасов В.А.,

2003, с. 45-46.) В этот период человек, видимо, считался временно отсутствующим или спящим потому что, эксгумировав скелетированный труп, его сразу восстанавливали как живого человека, с открытыми глазами и ртом, чтобы он мог видеть и дышать. Для большего сходства с мертвым мумию одевали в его одежду. Во время изготовления своеобразной мумии - куклы жгли пахнущие травы и эфедру, которую добавляли в смесь трав, а прутики использовали для крепления позвоночника и ребер. Ритуал совершали поздней весной и летом.

К мумиям - манекенам относились как к ожившему покойнику. Их помещали, возможно, в его же доме, почитали, изготавливали миниатюрные бронзовые изделия, имитирующие подлинные. Но наступало время все же констатировать его смерть. Для этого глаза и рот закрывали кусочками ткани и замазывали гипсом (Вадецкая Э.Б., Гавриленко Л.С., 2006, с. 59, рис. 5-7) Затем лицо сплошь покрывали тканью и лепили очень тонкую (до 5 мм.) гипсовую маску, изображающую мертвого человека: с закрытыми глазами и ртом (рис. 1.-7-8) Мужские маски окрашивали в красный цвет, женские разрисовывали узорами (Вадецкая Э.Б., Гавриленко Л.С., 2006, рис. 3-4,7,10).

Имитации уже признанных мертвыми людей хранили и накапливали к совместному погребению. Коллективные захоронения производили очень редко, поскольку их подготовка требовала усилий многих людей и не один год. Напомним, что могилы были очень большие, особенно в степи. Здесь площадь камер была до 40-50 кв.м., а площадь всего кургана вместе с оградой до 300-800 кв.м. (Вадецкая Э.Б., 1986а, с. 81, табл. VII, рис. 22-23) Гробницы были сделаны, видимо, по типу домов, в котором тогда проживали. Это были полуземлянки, стенки которых укреплены тонкими бревешками, поставленными вплотную друг к другу. Такой деревянный, сплошной забор из вкопанных кольев назывался в конце XIX века тыном или частоколом. В археологической литературе традиционно используется первый термин, хотя в русском языке уже в 20-х годах XX в. слово «тын» стал использоваться редко. Вплотную к тыну ставили сруб, наподобие избы, с дощатым полом и потолком. Яму закрывали несколькими накатами бревен, поверх них берестой, иногда плитками и всегда брикетами дерна. Покойников клали на пол, а, в случае особенно большого числа, укладывали или рассаживали на полати из досок или бревен, вставленных в щели между нижними венцами сруба. Полати – лежаки устраивали с двух или трех сторон сруба. Уложив манекены и части манекенов, камеры сжигали. Но из-за массивности камер сгорала та органика, которая использовалась для создания манекенов, а кости и дерево обугливались. Размеры оград и могил в лесостепных районах, где для них при-

ходилось выкорчевывать деревья, меньше, чем в степях. С момента физической смерти до её признания (через воскрешение), проходило (судя по материалам сибирской этнографии) не менее 5-ти лет. Дальше по мере накопления мертвых родственников, когда за десять лет, а когда и больше. Количество манекенов в могилах разное: около 40-60 и более ста и даже двухсот. Чем больше манекенов, тем больше среди них положено в уже разрушенном состоянии и даже одних голов.

Бывали случаи, когда ничего не оставалось от человека, чтобы изготовить имитацию на его скелете. Например, либо он утонул, либо зверь задрал, либо его скелет истлел до эксгумации. Таких людей, видимо, не оживляли, но захоронить с родственниками было необходимо. Тогда изготовляли имитацию человека без его скелета, но они, как правило, либо сгорали при сожжении камеры, либо истлевали. В частности в кургане Тас-Хыл у с. Бирикчуль в 1989 г. среди обычных манекенов с глиняными головами и масками найдены три более толстые маски, одна из которых, безусловно, принадлежала мягкой имитации – кукле, поскольку впадина носа на внутренней стороне маски не соответствовала человеческому носу. (Вадецкая Э.Б., 2004б, с. 307) Такая же кукла, но с глиняной головой, вылепленной на черепе барана, была положена в курган у с. Шестаково вместе с обычными манекенами - мумиями. Она передает черты лица мертвого человека, его роспись и прическу (табл. 1, рис. 6) Голова была насажена на палочки, как те, что протыкались сквозь позвоночник скелета, и веревочками либо ремешками прикреплялась к туловищу куклы. (Вадецкая Э.Б., 2004б, с. 108)

Ритуалы с куклами

Одновременно с населением, изготовлявшего мумии на человеческом скелете, в долинах Енисея проживало другое, соблюдавшее иные похоронные правила. Их могильником был не курган, а кладбище, состоящее из десятков небольших грунтовых могил, поэтому они называются грунтовыми. В первый, тесинский, период устойчивых традиций для оформления могил и обряда не было. Но впервые единичных покойников сжигали либо хоронили в виде куклы: могильник Тепсей VII могилы 3,7 (Пшеницына М.Н., 1979, с. 77,79, рис. 51.-4). Во второй период, таштыкский, в могилы ставили низкие срубы, в которых преимущественно хоронили женские трупы и пепел кремированных мужчин.

Остатки чучел человека (по-русски куклы) в виде небольших фрагментов кожи и скрученной травы были в 5-ти могилах, которых исследовал в 1903 г. А.В.Адрианов. Но лишь в одной, которая была случайно обнаружена местными жителями еще в 1902 г., 2 чучела бы-

ли почти целыми. Они представлены мешками, обозначающими руки, ноги (длиной 36-50, шириной 13-15 см), а также туловищем (размером 50x20 см) и головой. Мешки были сшиты из лоскутков овчины мехом внутрь и заполнены тугими комочками сухой травы, напоминающей осоку. Все части куклы скреплены жилами либо ремешками (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 36-37; 1999, с. 22) К моменту раскопок А.В. Адрианова куклы распались на отдельные части и кальцинированные косточки, находящиеся внутри мешка - туловища, почти все высыпались. Лицо одной из кукол было закрыто красным шелком, на котором черной краской нарисованы, по мнению А.В. Адрианова, черные брови (табл. 1, рис. 3), а, может быть, и другие детали (Адрианов А.В., 1903). Ими, в частности, оказались следы моли, производящие впечатление на лбу вышивки (табл. 2, рис. 1) Дальнейшее исследование показало, что под шелковой маской находится объемная голова, у которой комками травы обозначены скулы, а впадинами глаза и рот. Она обшита кожей, сшитой из отдельных кусочков мелкими аккуратными стежками. На лицо пришиты кожаные брови и нос (рис. 2.-2). На шёлке помимо черной полосы выше глаз и вертикальных линий по контуру верхней части носа вышиты глаза в три шелковые нити – две синие и одна желтая. Следы вышивки четче видны с обратной стороны шелка. Для того, чтобы маска держалась на лице её нижний край присборен, а верхний сшит с плотным трехцветным шелком, закрывающим заднюю сторону головы (рис. 2.-3). На голове куклы была меховая шапка, от которой осталась лишь на лбу кромка (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 22, рис. 7). От головы других кукол остались комья травы, обшитые кожей. В одном случае его покрывала гипсовая маска. Она была почти плоской (как блюдце) с прорезью для носа, приделанного на лицевой поверхности (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 24).

Новые две куклы найдены в могильнике в 1969 г. и до сих пор не исследованы. По предварительным сведениям мешки для частей куклы набиты сухой травой и листьями степных ковылей, в туловище вложены мешочки с пеплом покойника. Чтобы придать куклам вид «живого» конкретного человека на голову одной надет скальп, видимо, снятый при кремации трупа, а к голове другой пришит шелковой мешочек со свернутой косичкой. Лица кукол обшиты тканью, на одном вырезали глаза и рот, на другом красной краской нарисовали брови, глаза, нос и рот. Сходство с покойниками завершала его личная одежда (Кызласов Л.Р., 1969, с. 94-96, рис. 3). В таком виде куклы, очевидно, считались еще живыми и где-то выставлялись до признания умершими. Для этого лицо куклы закрывали или обшивали еще одной тканью. В частности, указана шелковая ткань (видимо поверх лица с вырезанными гла-

зами и ртом), с черной широкой полосой (Завитухина М.П., 1976, с. 100).

В остальных могильниках кукол не сохранилось, но они определяются по четкому расположению кучек пепла в области груди, живота и реже головы бывших чучел. (Вадецкая Э.Б., 2004а, с. 55–56). Гипсовые маски, хотя и реже, чем на скелетах, но встречаются с куклами. Значит, по крайней мере, для части кремированных покойников соблюдалась процедура временного захоронения (кремация), оживления покойника в образе куклы и констатация смерти путем наложения маски.

Продление жизни не кремированного трупа осуществлялось сохранением разным способом его тела. Его пропитывали веществами, замедляющими разложение, то есть – бальзамировали. Череп трепанировали и извлекали скоропортящийся мозг. Лицо, видимо, покрывали каким-то составом или воском, чтобы на некоторое время сохранить его черты. Поверх глаз и рта клали кусочки ткани с прорезами, а всё лицо закрывали покрывалом из ткани (иногда красочной китайской) или кожи, тоже с прорезами на месте глаз и рта. Таким образом, мертвец еще какое-то время считался живым, ибо мог видеть и дышать. Труп обряжали.

Однако спустя какой-то срок поверх лицевой ткани лепили маску, иногда предварительно замазав места глаз и рта. Кусочки шелка на глазах, ртах, а также покрывала сохранились лишь в одном могильнике (Оглахты), но их отпечатки и гипсовые накладки (или затеки через прорезы в покрывале) имеются с обратной стороны многих масок (Вадецкая Э.Б., 2004а, рис. 3–4). Личная одежда и прическа, возможно, компенсировали условность масок (даже с росписью) для узнавания покойника во время совершения обрядов, связанных с его захоронением

Несмотря на бальзамирование, трупы не долго сохранялись к погребению. Приходилось хоронить их в полуразложившемся состоянии (в мешках), а часто аккуратно упакованные кости скелета с черепами, на которых иногда сохранились следы гипса от масок. Возможно, что это ускорило распространение обряда сожжения тела и изготовления куклы с его пеплом на все население. В свою очередь и с куклами стали обращаться как с трупами, а именно перед тем, как лепить маску, закрывать глаза, рот и все лицо тканью.

Это постепенно распространилось на все куклы, но я повторю свои наблюдения над масками из одного могильника Терский. Одна маска вылеплена поверх тонкого кожаного покрывала, закрывавшего полуразложившееся лицо женщины (рис. 2.–4) На её внутренней сто-

роне под покрывалом четко видны отпечатки “наглазников“ (размерами 3,3x4,2 см) и “наротника“ (размером 8,5x4,4 см). Согласно химическим анализам они были из кусочков ткани. Непосредственно на них против глаз и рта имеются гипсовые выступы (рис. 2.–5-6). Значит, глаза и рот (закрытых кусочками ткани) замазали гипсом и, не дожидаясь его высыхания, вылепили маску (Вадецкая Э.Б., 2004, а с. 54–55 и рис. 4; 2004б, с. 312, рис. 3, 5).

Вторая маска (приблизительно на век позже) вылеплена на кукле (табл. 2, рис. 7). С внутренней стороны маски отпечатки палочки, служившей основой носа куклы, а также плотной, овальной матерчатой накладке (размером 4,х1,6 см), имитирующей рот с прорезью.(табл. 2, рис. 8,9). У края разрушенных глаз видны отпечатки “наглазников“, а поверх рта – “наротника“ в виде полоски шелковой материи, закрывающей рот куклы (рис. 2.–9). Сама голова куклы, судя по отпечаткам и микроскопическому анализу, сшита из хорошо выделанной кожи, мехом внутрь (Вадецкая Э.Б., 2004а, с. 57, рис. 6; 2004б, с. 317, рис. 6, 3)

В V и VI веках практически всех взрослых покойников кремировали и захоранивали сообща не менее 60–100 человек. Этнические различия между группами проживавших людей проявлялись уже мало: в разных размерах погребальных камер (от 16 до 90 кв.м.), их конструкции, в керамике. Возможно, в том, что одни изготовляли целые куклы, имитирующие покойников, а другие только голову куклы. Пепел собирали в мешочек или насыпали в туесок, который временно хоронили на кладбище. Спустя определенный срок пепел выкапывали и для него шили кожаное чучело – куклу, которую набивали сухой травой, а в туловище вкладывали мешочек с пеплом покойного весом в 1–1,5 кг. Предположительно, куклы сохранились фрагментами в виде свернутой кожи, иногда набитой травой. Свернутый кусок прошитой кожи длиной 14 см, найден в склепе 1 Ташебинского чаатаса. Узкий край трубки шириной в 2см., а широкий в 4 см (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 241). В склепе 1 могильника Тепсей III кожаная трубка (диаметром 6 см и длиной 20 см), была набита травой. (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 263). В склепе Сырского чаатаса найдено несколько узких кожаных трубок (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 259).

Головы кукол приблизительно соответствовали размерам овальной головы человека. Но, если изготовляли одну голову, то она бывает крупнее головы человека, в виде шара, прямоугольника или почти квадрата, иногда с плоским основанием. Каркасом для таких имитаций служили либо мешочек, либо туесок с пеплом человека, который обертывали травой и обшивали кожей (рис. 2.–10–11). Объем туеска и соответственно головы куклы зависел от количества вложенных в него

сожженных косточек (от 300 до 800 грамм), взятых от одного кремированного трупа. Куклу или голову ассоциировали с ожившим покойником, для чего делали в коже прорезы в области глаз и рта, через которые кукла могла видеть и дышать (Вадецкая Э.Б., 2005а, с. 146, табл. 2–4.) Таким образом, как целые куклы, так и одни их головы изготавливали не только для погребения в качестве вместилища пепла. Видимо, прежде всего, для продления жизни умершего и, возможно, они же считались вместилищем его души.

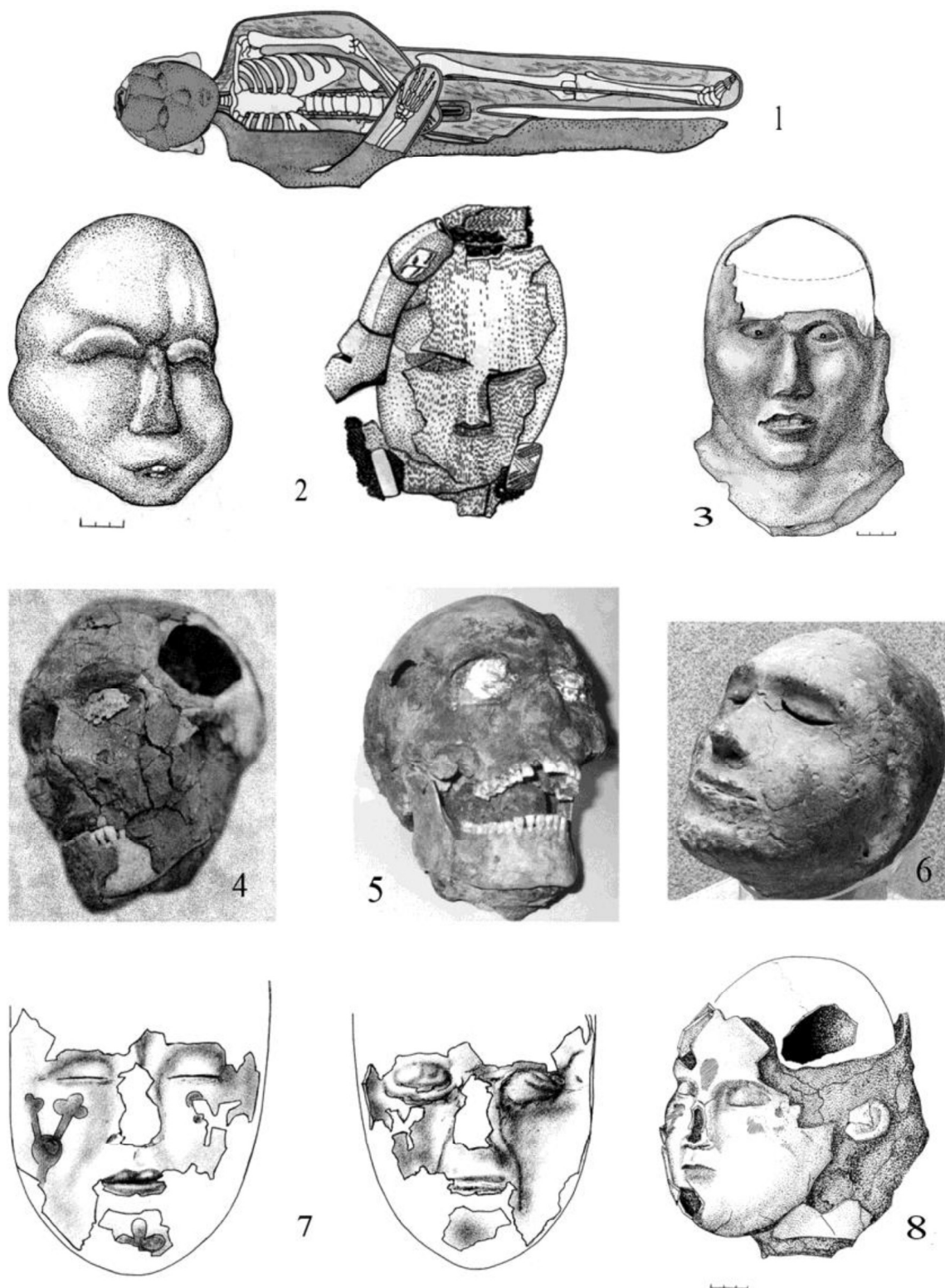
Все последующие действия с таштыкскими имитациями мертвых очень схожи с тагарскими (тесинскими). После признания смерти человека глаза и рот куклы замазывали порцией гипса. Затем лепили маску (толщиной до 1-2 см) с закрытыми глазами и сомкнутыми губами, как у мертвого человека (рис. 2.–12). С тыльной стороны масок на гипсовых накладках против глаз и рта часто имеются оттиски травы, находящейся в прорезях глаз кукол (Вадецкая Э.Б., 2004а, рис. 9). Мужские маски выкрашивали в красный цвет, иногда наносили поперек одну - три черные полосы (Вадецкая Э.Б., 2007, рис. 16–18). На женских масках рисовали косметические детали (черные ресницы, красные губы и щеки), изображали голубой краской волосы, а красной краской наносили символические узоры на лбу, висках, носу (Вадецкая Э.Б., 2007, рис. 615). Куклы и их головы долго накапливали для совместного захоронения в камере, которую сжигали. Об этом свидетельствуют неоднократные реконструкции масок от обновления их росписи до замены отделочных и более глубоких слоев гипса (Вадецкая Э.Б., 2004а, с. 62, рис. 15–17). Тем не менее, часто имитации уже не живых, а мертвых покойников до погребения не сохранялись. Иногда пепел человека из кукол и их голов приходилось переупаковывать в другие емкости, а обломки масок класть рядом (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 90–93).

Заключение.

У населения Присаянья сроки от фактической смерти человека до её признания и окончательного погребения были длительными, особенно при коллективных захоронениях I-VI вв. н.э. Поэтому тело умершего подвергали трем последовательным ритуалам: временное захоронение или кремация, затем эксгумация с изготовлением манекена человека на собственном скелете или в виде куклы с пеплом покойника; наконец признание окончательной смерти, для чего на лице имитации лепили маску.

Эти ритуалы, возникшие в древности, в видоизмененном виде сохранились позже, и нашли своё объяснение в мировоззрении народов

Севера и Дальнего Востока. В этом отношении особенно показательны таштыкские куклы, являющиеся одновременно имитациями умершего и вместилищем его пепла. С одной стороны, прототипами им послужили местные (тесинские) реставрированные по скелетам манекены - мумии. С другой стороны, они сами, в той или иной степени, послужили прототипами этнографических "кукол мертвого". Наибольшее сходство наших кукол с теми, которые непосредственно имели частичку чего-нибудь от покойника. Например, деревянные фигурки у нивхов, в которые вкладывали кусочек черепной кости сожженного, часть его волос, и которые одевали в его одежды (Семейная обрядность..., 1980, с. 196). К ним же относятся глиняные фигурки торговцев, в которые добавляли пепел кремированного покойника. (Горощенко К.И., 1900, с. 9). Еще недавно эвенки и юкагиры изготовляли мумии из целых останков или голов усопших шаманов, которые позже были заменены деревянными идолами (Васильев В.Е., 2004, с. 196). Однако, реликтами наших древних мумий и кукол являются и другие многочисленные этнографические изображения покойника, в которые, хотя, не вкладывали частички его тела, но которые считались вместилищем его души. Их изготовление имело цель продлить жизнь мертвому, что наиболее ярко выразилось раньше у древних жителей Енисея, которые сначала "воскрешали" умершего, а затем создавали его мертвый образ (Вадецкая Э.Б., 2005б, с. 29).

**Рис. 1. Тесинские имитации мертвых: 1,2 – Береш;
3,4,7,8 – Новые Мочаги; 5- Черногорск; 6 – Шестаково**

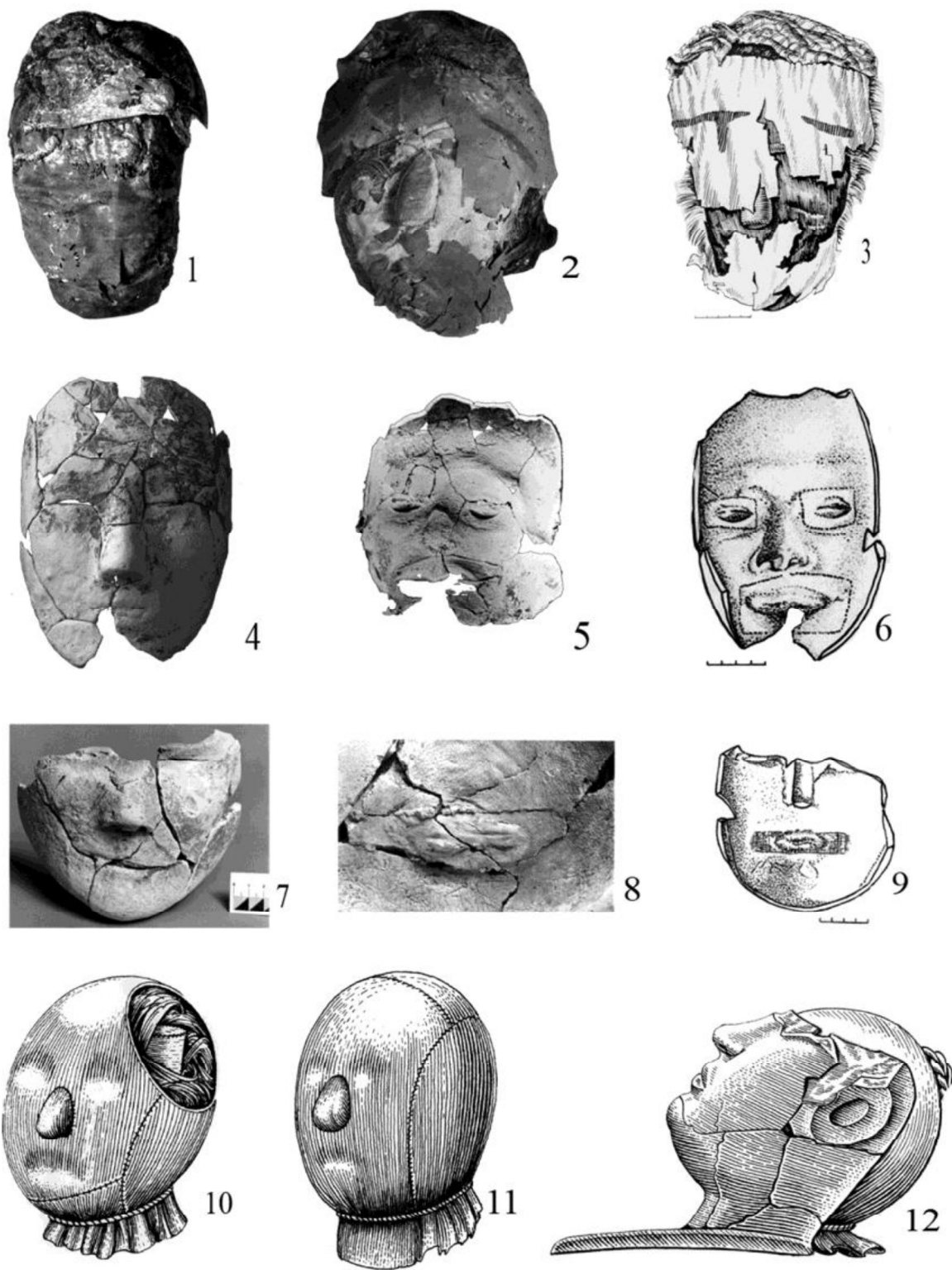

Рис. 2. Таштыкские имитации мертвых (1-3,7-12) и маска с трупа (4-6): 1-3 – Оглахты; 4-9 – Терский; 10-12 – реконструкции (10-11 – Белый Яр III, 12 – Уйбат I ск.6.)

Особенность всех наших масок, которые лепили на имитациях умерших и на трупах, заключается в их объемности (в 3/4 головы с ушами), в том, что их нельзя было снять с лица или любой формы, не повредив, и они изображали мертвое лицо. Сочетание этих черт позволяют предполагать, что маски констатировали смерть, одновременно изолируя живых от вредного воздействия. В этом смысле в них можно видеть прототипы глухих лицевых покрывал у народов Сибири, особенно тех, у которых на месте глаз и рта пришивались условные обозначения деталей лица. Возможно, в какой-то степени маски помогали живым спустя срок опознавать покойника, но лишь в совокупности с его одеждой и прической, поскольку маски не были портретными, а лепились поверх глины, ткани или на условных формах.

Заключительные действия, которые совершали с имитациями мертвых, то есть, их хранение, реставрация и совместное символическое сожжение являются специфической чертой похоронной практики населения Енисея, производящего коллективные вторичные захоронения родственников. У народов Сибири мне подобные обычаи не известны. Хотя логично предполагать, что преследовалась цель, обеспечить их совместный переход в одно время и место - в селение мертвых своего рода. Косвенно это подтверждается тем, что и тесинские манекены - мумии, и таштыкские куклы свозили из разных районов для захоронения в одном кургане. Об этом свидетельствуют разное происхождение растительности, используемой для мумий, а также различные технологические способы изготовления масок для таштыкских кукол. (Вадецкая Э.Б., 2004а, с. 60–62; 2006; с. 344–345).

Библиографический список

Адрианов А.В. Оглахтинский могильник // Сибирская жизнь. Приложение. Красноярск, 1903. № 249.

Вадецкая Э.Б. Мумии и куклы в погребальной обрядности Западной и Южной Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 36–38.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986а. 178 с.

Вадецкая Э.Б. Мумии и погребальные куклы таштыкской культуры // КСИА. М., 1986б. Вып. 186. С. 33–41.

Вадецкая Э.Б. Исследование коллективных могил позднеатагарского времени в верховьях реки Чулым (раскопки кургана 2 у деревни Береш) // Археологические вести. СПб., 1995. № 4, С. 96–122.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. 438 с.

Вадецкая Э.Б. Новое о таштыкских погребальных масках // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004а. №1. С. 50–63

Вадецкая Э.Б. Сибирские погребальные маски (предварительные итоги и задачи исследования) // Археологические вести СПб., 2004б. № 11. С. 298–323

Вадецкая Э.Б. Маски - урны (по материалам склепа Белый Яр III) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005а. Вып. 1. С. 140–148.

Вадецкая Э.Б. Древние енисейские мумии и погребальные куклы в свете сибирской этнографии // Культурное наследие народов Сибири и Севера. СПб., 2005б. С. 23–30

Вадецкая Э.Б. Типы Енисейских мумий (по мультидисциплинарным исследованиям) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т.2 С. 343–345

Вадецкая Э.Б. Роспись таштыкских масок // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2007. №1. С. 46–56.

Вадецкая Э.Б., Протасов В.А. Енисейские мумии (археологические источники и их анатомическая экспертиза) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2003. № 4. С. 36–47

Вадецкая Э.Б., Гавриленко Л.С. Технология и роспись масок енисейских мумий. // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2006. №.3. С. 55–66

Васильев В.Е. Сайтаан // Культурное наследие народов Сибири и Севера. СПб., 2004. Ч.2. С. 194–196

Горощенко К.И. Курганные черепа Минусинского округа. Минусинск, 1900. 40 с.

Завитухина М.П. Таштыкская культура на Енисее (I в. до н.э. – V в. н.э) // Древняя Сибирь: путеводитель по выставке “Культура и искусство древнего населения Сибири” Л., 1976.

Кызласов Л.Р. Кто жил в Хакасии две тысячи лет назад // Наука и жизнь. М., 1969. № 2. С. 93–96.

Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 70–89.

Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. М., 1980. 240с.